ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.2

Феноменология российской цивилизации: метаморфозы пребывания человека

Ю. М. Резник
Институт философии РАН

В данной статье рассматривается проблема аутентичности бытия российского человека. Объект исследования — цивилизационное измерение бытия человека в России, а предмет — экзистенциально-феноменологические ракурсы постижения бытия человека в российской цивилизации, которое на протяжении нескольких столетий отражается в образе «пребывания».

Пребывание человека в российской цивилизации осуществляется двумя путями (западнизация или традиционализация), которым соответствуют сменяющие друг друга модели управления (олигархия или автократия), и проявляется в трех основных формах — экзистенциальной, трансцендентной и социетальной (политарной). Первая форма блокирует осуществление таких смыслов индивидуального существования, как «жизнь в доме», «страх перед жизнью», «радость от труда и творчества», «влияние», вторая — приводит к утрате смыслов надындивидуального существования (разотождествление, разобожествление и расчеловечивание, дегуманизация), третья (политарная) — направлена на поддержание условий зависимого существования посредством бюрократического контроля и системного насилия.

Альтернативой пребывания, по мнению автора, выступает самостояние — открытое и свободное бытие человека в цивилизации, раскрывающее в полной мере его созидательный потенциал. Оно проявится лишь в особых исторических условиях, когда на смену политарной системе придет демотическая («всенародная») система, соединяющая в себя преимущества демократичности, социальной справедливости и экологичности.

Ключевые слова: человек; цивилизация; феноменология цивилизации; российская цивилизация; цивилизационное бытие; пребывание; самостояние; политарная система; демотическая система; автократия; демократия; олигархия

К ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ПРЕДИСЛОВИЕ)

Цивилизации не возникают ниоткуда и не исчезают бесследно, растворяясь в гуще истории (Бродель, 2023: 47–59). Они оставляют следы в истории мировой культуры и обязаны своим существованием человеку, а точнее, его месту и энергии бытия, которые переживаются как событие (Жижек, 2023). С точки зрения К. Ясперса, цивилизация представляет собой предельно широкий (хотя и локальный) и культурно обусловленный порядок существования людей (Ясперс, 2013: 81–105). Именно так мы и будем определять понятие цивилизации в данной статье.

Следовательно, цивилизация есть *социокультурный порядок, характеризующий систему обществ («общества обществ»), в которых изменения происходят на предельно высоком уровне бытия человека, определяющем его мировоззрение и способность мыслить целое*. При этом человек проявляется в цивилизации не как зависимое существо, привязанное социальными скрепами к месту своего бытия или объект бесчисленных (в том числе цифровых) технологий, а благодаря таким сущностным качествам, как историчность и темпоральность, интегрирующим его в конкретную культуру. Историчность задает масштаб существования человека, указывая на те стороны бытия, которые делают его субъектом собственной истории и представителем данной эпохи, а темпоральность характеризует способность человека жить во времени, причем в своем времени.

Но что значит изучать цивилизацию с точки зрения философии? Так, социальные науки (социология, социальная антропология и пр.) рассматривают «человека как объект, который следует изучить на основании опытных данных» (Ясперс, 2013: 219). Философия же, используя объективное научное знание о человеке, стремится раздвинуть горизонты его познания. Такая философия называется экзистенциальной. «Экзистенциальная философия — это философия бытия человека, которая выходит за пределы человека» (там же: 205). Она изучает человека в экзистенциальном аспекте, делая акцент на том, что «он сам из себя делает» или каким образом он стремится стать самим собой, находясь при этом в гармонии с миром.

В данной статье я буду использовать не просто философский, а феноменологический подход к изучению российской цивилизации. Феноменология цивилизации есть, с моей точки зрения, знание о том, как она предстает в опыте и сознании людей, проходя через их смыслы, образы, ценности и закрепляясь в культурных (этических, эстетических и пр.) кодах. С этой точки зрения цивилизация является феноменом и эпифеноменом (от др. греч. επί — «при, после, возле» и φαινόμενον — «являющееся») человеческого бытия. Это одновременно «вместилище» бытия и продукт деятельности человека.

Феноменология цивилизации, как и философия в целом, имеет свой экзистенциальный ракурс. «Экзистенциальная феноменология пытается охарактеризовать природу восприятия личностью своего мира и самой себя. Это подразумевает не столько попытку описать существующие в ее опыте отдельные объекты, сколько организацию всех отдельных жизненных переживаний в контексте целостного бытия личности в мире» (Лейнг, 1995: 11–12). С точки зрения экзистенциальной феноменологии быть в цивилизации для человека — это значит быть в своем мире, быть для себя и быть собой, обнаруживать в своем сознании смысловые структуры, присущие данной цивилизации.

Феноменология российской цивилизации охватывает представления о том, как наши соотечественники ее переживают и осмысливают на протяжении всей истории, представляя в виде социокультурного горизонта или предельно широкого порядка социального существования. Как отмечают многие отечественные исследователи, для цивилизации в России характерны в идеально типическом плане такие признаки, как «собирание земель» (пространственный аспект восприятия); «циклическое чувство времени», непрерывное возвращение к своим истокам (Ахиезер, 1995); «событийность истории» (переживание исторических переломов); патернализм, приверженность сильной власти и наличие властной «вертикали» (Ильин-

ская, 2023; Спиридонова, Соколова, Шевченко, 2016); социокультурный раскол и социокультурная патология (Ильин, Ахиезер, 2000); сочетание архаичности и инновационности (Ахиезер, 2001; Ахиезер, 2008); чувство справедливости, общинность и соборность. Переходя от одной эпохи к другой, российский человек каждый раз заново переживает основной смысл своей цивилизации, производя перезапуск всего исторического мышления, что нашло отражение в ряде работ отечественных исследователей (см.: Ахиезер, 2008; Ильинская, 2023; Ильинская, 2025; Лапин, 2015; Спиридонова, 2022; Федотова, 2009).

Уточню теперь понятие «российский человек». Под ним я буду понимать здесь и далее *типичного представителя народов России, объединенных общим цивилизационным пространством*. Это конкретная, а не абстрактная всеобщность (типа «человек вообще»), которая формируется в специфически российских условиях, выступая каждый раз в новом историческом обличье и теряя или обретая свои субъектные качества (например, «человек Петровской эпохи» или «советский человек эпохи застоя»).

Рассматривать цивилизационное бытие российского человека — это постигать то, как он переживает свою цивилизацию, пропуская ее через свой жизненный опыт и наделяя личностными смыслами (феноменологический взгляд), а также то, как на него влияют различные культурные матрицы или паттерны, определяя его поведение в повседневной жизни (культурно-антропологический подход). Его бытие характеризуют такие цивилизационные паттерны, как взаимозависимость «мы» и «я» («мы» важнее, чем «я», но оно не отменяет последнее), врожденное чувство справедливости, коллективность и общинность (соборность), приверженность общему делу и приобщенность к традициям и др.

Могу предположить, что в ходе эволюции российской цивилизации было выработано два основных способа бытия человека — *самостояние* и *пребывание*. Противоборство между ними и составляет главное противоречие каждого периода цивилизационного развития России. Самостояние человека, как и всего народа, чаще всего преобладает в моменты подъема народного духа. Такие переломные моменты мы наблюдаем обычно в роковые для страны и государства времена (например, Невская битва 1240 г. и Ледовое побоище 1242 г., Куликовская битва 1380 г., народное ополчение 1611–1612 гг., Отечественная война 1812 г., отмена крепостного права в России в 1861 г., Русская революция 1917 г., Великая Отечественная война 1941–1945 гг. и др.). Множество примеров военного и гражданского мужества демонстрируют нам и наши современники (спасение людей в чрезвычайных ситуациях, волонтерство, общественные инициативы и т. д.), хотя все это не всегда воплощается в самостоянии человека, делающего его подлинным субъектом исторического творчества.

Таким образом, мне предстоит ответить на следующие вопросы: как бытие цивилизации связано со способом существования человека и как это проявляется в российских условиях на протяжении веков? Неужели человек исторически обречен на пребывание как зависимый и отчужденный способ бытия в цивилизации?

ПРЕБЫВАНИЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКИЙ СПОСОБ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО БЫТИЯ РОССИЙСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Пребывать для российского человека — это значит находиться на периферии общественной жизни, выступать в качестве гостя в собственном доме бытия (в том

числе в цивилизации), состоять в зависимости от правящей элиты, контролирующей основные ресурсы общества. Другими словами, в понятие «пребывание» заложен еще вполне конкретный смысл: находиться в «чужом», определяемом кем-то сверху месте и времени.

Все вышесказанное подтверждает, что пребывание исключает российского человека из смыслового контекста эпохи или того или иного периода цивилизационного развития страны, делая его зависимой и пассивной частью цивилизации и неполноценным субъектом исторического творчества.

На другом полюсе цивилизационного бытия народа пребывание человека соотносится с его самостоянием как коллективным историческим творчеством. Самостояние для российского человека заключается в том, чтобы опираться на собственные силы и находиться со своим народом на одной волне творчества, жить, как и последний, в своем времени.

Таким образом, пребывание характеризует специфический способ цивилизационного бытия человека в России, сложившийся исторически в результате социальной сегрегации (разделения людей на группы по статусной принадлежности), а также отличающийся отчужденностью бытия, исторической отрешенностью и отстраненностью от исторического творчества и всего процесса цивилизационного строительства. Его суть — отчуждение человека, принадлежащего к народному большинству, от подлинного существования, в том числе от управления государством и источников существования (ресурсов общества).

Об отчуждении как системном общественном отношении, включая отчуждение людей от власти, собственности, информации и результатов своего труда, неоднократно писал известный отечественный философ и социолог Н. И. Лапин (см., например: Лапин, 1990; 2019).

В свою очередь, я буду различать три формы пребывания человека в российской цивилизации, связанные с его отчуждением: «пребывание-не-собой» и пребывание-не-у-себя-дома» (экзистенциальная форма отчуждения), «пребывание-вне-себя» и «пребывание-никем-и-вопреки-себе» (трансцендентная форма отчуждения), «пребывание-в-системе» (политарная форма отчуждения).

«ПРЕБЫВАНИЕ-НЕ-СОБОЙ» И «ПРЕБЫВАНИЕ-НЕ-У-СЕБЯ-В-ДОМЕ». ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Определим для начала эти предпосылки. По мнению К. Ясперса, это «жизнь в доме» (цивилизация как дом человеческого бытия), «страх перед жизнью» (цивилизация как безопасное место бытия человека), «радость от труда и творчества» (цивилизация как место созидания), «влияние» (цивилизация как форма влияния на человека). Именно они позволяют человеку чувствовать себя в цивилизации как в своем месте и своем времени.

Российская цивилизация как чужой для человека «дом бытия»: между архаикой и новацией. Что означает выражение «жить в доме» в контексте бытия человека? Для К. Ясперса это совместная жизнь семьи, возникающая из любви и на основе постоянного общения между близкими людьми (Ясперс, 2013: 86). Но у «жизни в доме» имеется еще одно значение, которое не учитывает Ясперс. Здесь под домом я буду понимать цивилизацию как предельно широкий социокультурный порядок, доступный человеку и оправдывающий его ожидания. Подобно семье, ему ну-

жен большой дом, которому соответствует свой язык культуры и свой жизненный уклад на локально-страновом уровне.

В современном мире именно цивилизация, стремясь стать домом бытия человека, подвергается разрушительному воздействию глобальных структур: «...стремление перевести человека на казарменное положение, превратить его жилище в место для ночлега, попытки полностью технизировать не только практическую его деятельность, но и всю жизнь — все это превращает одухотворенный мир в безразличную взаимозаменяемость» (там же: 87). А это значит, что цивилизация перестает быть «домом бытия» для человека, в котором должны преобладать мир, любовь и благополучие.

К. Ясперс полагал, что «границей универсального порядка существования служит свобода индивида, который должен своими силами создавать то, чего никто лишить не может, ибо в противном случае прекратится существование людей» (там же: 90). Однако не только несвобода человека, но и любые деструктивные изменения, ведущие к дезорганизации и разрушению социального порядка, являются ограничениями на пути цивилизационного развития человека.

Является ли нынешняя модель российской цивилизации домом для человека? Конечно же, нет. И независимо от модификации (модернизация и социальные новации или традиционализм и архаика) российская цивилизация с момента своего окончательного оформления (примерно с XV в., когда стало складываться Московское централизованное государство в эпоху Ивана III) перестала быть собственным домом бытия для человека как типичного представителя народа. Именно в этот период был упразднен вечевой строй в Новгородской и Псковской республиках, а также присоединены Тверь, Псков, Смоленск и другие земли. С этого момента Россия взяла твердый курс на укрепление самовластия и централизацию государственной власти, которые соответствуют политарной форме пребывания человека.

Более того, цивилизация превратилась на определенном этапе в «тюрьму для народов». В последнем случае речь идет не просто об угнетенном положении нерусских народов, как у В. И. Ленина[1], а обо всех народах России, оказавшихся в зоне отчуждения и в полной зависимости от высшей государственной бюрократии.

Цивилизация как небезопасное место жизни для человека. Страх перед жизнью и постоянными угрозами — это одна из причин, по которой люди зачастую обращаются к структурам цивилизации, надеясь получить от них защиту. «Страх распространяется на все. Он усиливает неуверенность, если о ней не удается забыть. Существование может защитить человека от забот лишь без гарантий» (там же: 91). Речь идет здесь о порядке безопасного существования, который устанавливает цивилизация. Но последняя не имеет собственных инструментов поддержания и укрепления порядка. Она использует такие институты, как государство, армия, правоохранительная система и пр. Там, где эти институты работают эффективно и защищают интересы и права граждан, цивилизация как жизнеобеспечивающая система выполняет свое предназначение. А все это приводит в конечном счете, как считал Н. И. Лапин, к утрате людьми личной безопасности и системному кризису в обществе (Лапин, 1990).

Россия как цивилизационное пространство возникала в сложной геополитической обстановке. Ни одна страна не понесла таких чудовищных человеческих потерь в многочисленных войнах, как Россия. Ее политическая независимость доста-

лась ей слишком дорогой ценой. Приходилось держать на границе значительный военный контингент. Не случайно для некоторых сословий (например, для казачества) война стала образом жизни.

Кроме внешних захватчиков, существовали и внутренние угрозы, являющиеся источником страха человека перед жизнью (бюрократический беспредел, криминальные группировки, политические репрессии и пр.). Госаппарат часто использовался как инструмент борьбы с собственным народом. А это значит, что власть не была общенародной и зачастую служила интересам узкой группы людей (местообладателей). В XIX–XX вв. именно ей принадлежала в России большая часть земли и основных ресурсов общества.

Цивилизация как место блокирования созидательной активности человека. В позитивном смысле цивилизация представляет территорию труда и творчества, радость от которого испытывают многие поколения людей. Можно привести разные примеры, связанные с проявлениями трудового энтузиазма и даже героизма (например, в советское время стахановское движение и пр.), и, возможно, следует допустить, что участники этих коллективных действий испытывали при этом радость труда. «То, что недоступно массе, чего она не хочет для самой себя, но чем она восхищается как героизмом, которого она, собственно говоря, требует от себя, показывают смелые свершения других» (Ясперс, 2013: 98). Их трудовые подвиги воодушевляют других людей, побуждая их достигать столь же «чрезвычайных успехов».

Что же касается российской цивилизации, то созидательный труд и трудовой энтузиазм не всегда являлись ее сущностными свойствами. Это происходит только в те моменты отечественной истории, когда на фоне внешней опасности или перед лицом новых вызовов к цивилизационному строительству России привлекались конструктивные силы страны, а созидание становилось общим делом людей. Именно о таком общем деле размышлял великий русский мыслитель Н. Ф. Федоров (Федоров, 1982).

Цивилизация как сфера влияния и управления. В то же самое время это место противоборства обладателей места, его хранителей и претендентов. С точки зрения природы управления история политической системы в России есть циклическая смена двух моделей — автократии (власть одного лица) и олигархии (власти группы). При этом периоды самовластия сменялись время от времени доминированием олигархической группы.

Так, например, в советское время на смену сталинской автократии пришла партийно-государственная олигархия (хрущевская «оттепель» и брежневский «застой»), а в 1990-е модель олигархии приобрела еще и финансово-экономическую составляющую и постепенно, начиная с конца 2000-х гг., стала дрейфовать в сторону автократии, которая больше соответствует традиционалистской форме политарной системы.

Для жизни российского человека автократия столь же нежелательна, как и олигархия. Ведь именно они, эти модели, повсеместно ограничивали рамки его существования, делая все более зависимым от центра принятия решений. Ситуация усугублялась еще и тем, что автократия и олигархия были чреваты экономическими преступлениями. Причем, если в условиях автократии коррупция являлась инструментом удержания власти, то в олигархической модели она являлась результатом сращивания власти и собственности. В любом случае в выигрыше оказывались чле-

ны госаппарата и экономическая элита, а не представители народного большинства. При этом в данной системе управления, как правило, отсутствовали или были ослаблены реальные правовые сдержки и противовесы, что усиливало и без того бесправное положение российского человека.

«ПРЕБЫВАНИЕ-ВНЕ-СЕБЯ» ИЛИ «ПРЕБЫВАНИЕ-НИКЕМ-И-ВОПРЕКИ-СЕБЕ». ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРЕБЫВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (РАЗОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ, РАЗОБОЖЕСТВЛЕНИЕ И РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЕ)

В идеальном плане цивилизационное бытие России есть ее особенное бытие, ответственность за которое, как и забота о нем, ложится на плечи народов (Гройс, 2024). А его постижение осуществляется через феномены, т. е. то, что можно зафиксировать на табло сознания в виде обобщенных образов, в том числе человечности, которая проявляется в следующем: «Человек — существо, которое не только есть, но и знает, что оно есть» (Ясперс, 2013: 8). Поскольку он уже есть и живет на переломе эпох, то его дух рвется наружу и стремится к совершенству жизни.

Нынешняя же (современная) эпоха отличается тем, что на смену разобожествления мира приходят его разотождествление (лишение смыслов и утрата идентичности как социокультурной целостности) и расчеловечивание (катастрофическое падение ценности самой человеческой жизни). Все это в полной мере относится и к бытию человека в российской цивилизации.

Разотождествление с реальностью подрывает культурную идентичность людей и снижает их потребность в познании мира целостными образами и в его глубинной логике существования. Благодаря СМИ и другим средствам информационного воздействия современный мир превращается в большую вывеску (рекламный щит), за которой чаще всего ничего, кроме симулякров, не стоит. Видимость и кажимость, как и скрывающиеся за ними пустота и бессмысленность, — вот настоящие спутники постсовременной эпохи, которые сторонники постмодернизма описывают в своих работах. Для них мир превращается в один большой симулякр, т. е. копию без оригинала, которая создает собственную реальность, замещающую собой реальность первого порядка или саму жизнь. Этой же цели (а именно — симуляции) служат СМИ, социальные сети, бренды, реклама и мнимые символы, например образы «успеха», «красоты», «счастья», которые не связаны с реальными потребностями людей (Фромм, 2026), и виртуальные объекты, формирующие вымышленные миры (например, тематические парки типа Диснейленда, аватары в социальных сетях и пр.).

Именно такой, разобщенной и «разорванной» я вижу цивилизационную идентичность человека в сегодняшней России. Его место бытия и принадлежащие ему по праву ресурсы контролируются сверху посредством различных государственных и корпоративных структур. Он давно уже перестал быть хозяином в своем собственном доме, уступив право распоряжаться своими активами (в первую очередь землей), а также собой и собственным телом разного рода корпорациям, начиная от государства и заканчивая монопольными компаниями.

Дегуманизация или *расчеловечивание* — еще один бич современной эпохи. Об этом писал в свое время и К. Ясперс. «Если я ищу духовную ситуацию времени, это означает, что я хочу быть человеком до тех пор, пока я еще противостою человеческому бытию, я размышляю о его будущем и его осуществлении, но как только

я сам становлюсь им, я пытаюсь мысленно реализовать его посредством фактически схваченной мной ситуации в моем бытии» (Ясперс, 2013: 32–33). Дегуманизация ведет к обесцениванию жизни человека, превращению его тела в суррогатный каркас для манипулирования на уровне биополитики.

Духовная ситуация цивилизационного развития той или иной страны заключается в том, чтобы во что бы то ни стало оставаться человеком, не терять человечность, взращенную культурой данного края. Только так человек будет стремиться к совершенствованию мира посредством собственной цивилизационной миссии, которая выражается в достижении собственного образа всечеловечности на просторах нашей Родины. На это указывали наши великие предшественники (Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев и др.). В сегодняшнем мире цифровых и информационных технологий человека пытаются «стереть» или заменить цифровыми аналогами («цифровым человеком», «персонами ИИ» и пр.).

Таким образом, в трансцендентном плане пребывающий человек утрачивает свою идентичность, а вместе с ней — веру в Бога и собственно человечность, которые замещаются со временем искусственными фигурами или цифровыми аналогами. Он перестает быть Человеком в собственном и аутентичном смысле, становясь видимостью, а фактически — никем и ничем, т. е. профанацией человеческого бытия. Это не только обессиленный, обескровленный и отчужденный человек, лишенный чувства собственного достоинства, но и объект манипулирования со стороны «инженеров человеческих душ». И этим он во многом обязан политарной системе, которая «сделала» его таким.

ПОЛИТАРНАЯ ФОРМА ПРЕБЫВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. «ПРЕБЫВАНИЕ-В-СИСТЕМЕ» И «ПРЕБЫВАНИЕ-ВОПРЕКИ-СИСТЕМЕ»

Как известно, политарная система зарождается в конце IX в. и окончательно оформляется в Московском царстве при Иване III после подчинения Новгородской республики (1478). С этого момента высшая власть в стране окончательно принадлежит правителям или государям (великим князьям, царям, императорам, генеральным секретарям и пр.) и поддерживается их слугами.

Оба вектора цивилизационного бытия российского человека, которые характеризуются мной в терминах пребывания («пребывание-не-собой» и «пребывание-вне-себя»), сходятся в политарной модели цивилизации как «пребывание-в-системе» или «пребывание-вопреки-системе».

Следовательно, пребывание как внешнее («потустороннее») и отчужденное бытие человека становится единственной возможностью его существования в условиях доминирования политарной системы. Политарность (термин Ю. И. Семенова) базируется, как известно, на господстве аппарата государственного управления и присвоении земель, а также других ресурсов общества[2]. Однако ее суть заключалась не только в отчуждении у народа собственности (прежде всего собственности на землю и власть), о чем писал Н. И. Лапин (Лапин, 1990), но и в постоянном системном насилии по отношению к собственному народу, а значит, и к человеку как его обобщенному и типичному представителю (Гилинский, 2013; Шипунова, 2010).

В ряде своих статей я пытался показать, что политарная модель цивилизации в России складывается по итогам отъема земель у их истинных владельцев — коренных народов в пользу государства и его правителей (Резник, 2025ab). Это процесс называют также внутренней колонизацией. Однако вместе с отчуждением зе-

мель народов происходило и отчуждение их бытия. Оно переставало быть для них «своим» и «событийным», а становилось отстраненным и неисторичным.

Политарная организация общества и цивилизации представляет собой клано-во-бюрократический способ отбора претендентов и предполагает особую породу людей — «слуг государевых». Бюрократия, в отличие от сословия или класса, не имеет четко выраженного имущественного статуса, но она присваивает себе в качестве общеклассовой или общей корпоративной собственности ресурсы самого государства.

В политарной системе в значительной большей степени востребована лояльность и личная преданность, чем профессионализм и независимость. Как писал Ясперс, мир попадает во «власть посредственности». Конечно, бывали и исключения, но в целом «господствующий аппарат покровительствует людям, обладающим способностями, которые позволяют им выдвинуться…» (Ясперс, 2013: 57). Они сознательно отказывались от подлинного бытия, чтобы получить «хорошее место в аппарате», что давало бы им значительные преимущества и прежде всего возможность приобщения к государственно-корпоративной собственности на землю и другие ресурсы (см., например: Кара-Мурза, 2017; Никольский, 2017).

Особое место в политарной системе занимает ее верховный правитель (политарх), присвоивший себе право на жизнь и смерть своих подданных. Он возглавляет аппарат государственного управления. «Если в таком аппарате иногда появляется руководитель, чья личность растворяется в его деле для бытия мира, ибо он на протяжении десятилетий оправдывал свое положение постоянным влиянием, то все-таки бывает нужен и такой руководитель, который как бы не случайно именно в качестве этого индивида занимает именно это место» (Ясперс, 2013: 103).

«Как бы не случайно» на месте государей оказались в разные периоды цивилизационного развития России великий князь и креститель Руси Владимир, первый русский царь Иван III (фактически основатель политарной системы) и его внук Иван IV (Грозный), первый император Петр I, его наследники, Владимир Ленин (Ульянов) и Иосиф Сталин (Джугашвили). Именно они олицетворяют собой политарный вектор существования российской цивилизации.

По этой причине история России изображается зачастую не как история народов страны, а как история правителей (политархов) российского государства. Персонификация власти в нем есть результат присвоения исконных земель, а вместе с ними и времени, которое перестало принадлежать народам России, потерявшим роль субъектов собственной истории. Иными словами, их землей, как и остальными ресурсами, стали распоряжаться правители, управляющие государством якобы от имени самого народа, а в действительности — в своих корпоративно-клановых интересах.

Но государственная бюрократия является лишь одним из компонентов политарной системы. Второй, не менее важный компонент, — зависимые от нее массы. Как известно, массой называют толпу не связанных друг с другом людей. Но это также безликая и бесправная группа людей. В отличие от К. Ясперса, я считаю массу внешней совокупностью людей, не имеющих духовных скреп и являющихся объектом управления аппарата. Внутри же последнего находится корпорация чиновников и слуг, которая стремится к упорядочиванию ситуации и манипулированию поведением массы. Именно данная корпорация превращает народ в разрозненную массу. Суть бюрократизации как раз и состоит в расчленении народа на отдельные

составляющие, зависимые от госаппарата. «Расчлененная в аппарате масса бездуховна и бесчеловечна. Она — наличное бытие без существования, суеверие без веры» (там же: 63). Масса же, в отличие от народа, напрочь лишена субъектности.

Что же касается основной массы населения, то для нее, как считал К. Ясперс, главное значение приобретает фикция равенства с себе подобными (другими членами этой массы) (там же: 62). Так, на протяжении веков это фикция (наряду с вопиющим социально-экономическим неравенством) сохранялась и воспроизводилась. Например, в Московском (Русском) царстве к беднейшим слоям населения относились примерно 90% всего населения. И это — подавляющая масса крестьян и других зависимых групп людей (холопы, тягловые посадские люди или городская беднота и пр.). Примерно такая же доля зависимых слоев населения наблюдается и в имперский период России. Большинство из них составляли крепостные и монастырские крестьяне (свыше 70% всего населения).

Народ же, в отличии от массы, есть источник собственности и власти в обществе/государстве. Он обладает самосознанием, менталитетом и чувством собственного достоинства. Ему присущи насыщенная духовная жизнь и стремление к высшему благу. По большому счету ему не нужен аппарат, чтобы управлять государством напрямую, т. е. без посредников. Такому субъекту нужна совершенно иная исполнительная власть, ответственная только перед ним и его избранными представителями, а не перед государем. Именно поэтому в политарном обществе, т. е. там, где народ отлучен от власти и земли, трансформируясь в массу, ему «не достает, — как полагал К. Ясперс, — подлинного величия» (там же: 64).

Философия политарной системы включает такие требования, как (1) «мир существует только как искусственный ландшафт» (там же: 77); (2) мир есть объект беспощадной эксплуатации и исходный материал для переработки гигантской фабрикой; (3) человек не может иметь своего собственного бытия, т. е. того, что не предписано ему системой; (4) народ, как «малое дитя», не способен самостоятельно распорядиться своей собственностью и властными полномочиями, ему нужна помощь со стороны системы; (5) опять же система лучше знает и сама устанавливает то, чего якобы хочет народ или что он может, превращая его тем самым в пассивную и бессубъектную массу; (6) от имени системы право контролировать уровень удовлетворения потребностей, а также продолжительность жизни и рождаемость получают избранные лица, объединенные в отдельную корпорацию внутри государства (госаппарат). Именно такой порядок существования устанавливает политарная система как для отдельных людей, так и для целых народов. Поэтому вырваться из ее тисков бывает крайне сложно.

Во внешней же политике политарная система в России обладала признаками империи: наличие цивилизаторской миссии, претензия на всемирный статус, обширная территория и экспансия, идея культурного превосходства и стремление контролировать сопредельные территории, централизация и сильная вертикаль власти, культурное разнообразие и полиэтничность, опора на военную силу и госаппарат, символика и ритуалы, использование разных правовых режимов для граждан и неграждан и др.

Однако для российской и советской империй не были характерны жесткая иерархия «центр — периферия», а также экономическая эксплуатация периферии. Напротив, в экономическом плане часто выигрывали отдельные окраины, уровень жизни которых был выше, чем в центральном регионе (в советский период этим от-

личались республики Прибалтики и Закавказья). Сталинская модель политарной цивилизации («партия — государство»), соединившая социалистический проект с образцами имперской модернизации, ознаменовала собой тоталитарный поворот, при котором системное насилие над собственным народом вышло на первый план (Арнасон, 2021: 193; Ахиезер, 2008; Пантин, 2000).

Цивилизаторскую миссию России в имперский период чаще всего характеризуют в выражениях типа «Москва — третий Рим», «культурный мост между Европой и Азией», а в советский период — «мировая коммунистическая революция», «борьба с колониализмом», «поддержка национально-освободительных движений» и «распространение социализма по всему миру». Вряд ли стоит пояснять, что подобная практика имела главным образом идеологические мотивы. Следует отметить, что имперские мотивы современной России не стали исключением, поскольку она столкнулась с притязаниями западных империй (США, Евросоюз).

С учетом внешнего влияния политарная модель цивилизации, сложившаяся в России за последние несколько столетий, имела две, противоположные по сути, версии реализации: стремиться жить как на Западе, «прорубить окно в Европу» (тенденция модернизации и западнизации, которой соответствует «линия Петра I, Екатерины II и Александра I») или жить в соответствии со своими древними или старинными традициями (тенденция традиционализации и архаизации, соответствующая идеям почвенничества, в том числе частичного возврата к культурным устоям «допетровской Руси», и «линии Ивана III и Николая I») (Ахиезер, 2001).

Альтернатива политарности — демотическая («всенародная») система — была приостановлена, но, возможно, не утрачена окончательно. Как известно, термин «демотический» (от δῆμος, demos — «народ, толпа») имеет несколько значений, в том числе «всенародный», «свойственный народу», «благоприятствующий народу», «соответствующий характеру народа». О наличии такой альтернативы частично свидетельствует опыт самоуправления народа в Древней Руси X–XII вв. (вечевое и общинное самоуправление), а несколько позже — в республиках Новгорода (1136–1478) и Пскова (1348–1510), на Вятской земле, куда основы вечевого строя принесли переселенцы из Великого Новгорода (1374–1489).

Как известно, управление в них отличалось своеобразной (боярско-купеческой по сути) демократией, поскольку все руководящие посты занимали члены влиятельных боярских и купеческих семей, избираемые на Вече (народном собрании) в Совет господ (посадник, тысяцкий и другие должностные лица). Вечевая система — это первая форма самоуправления, которая ограничивала и сдерживала авторитарную власть князей, не допуская с их стороны произвола и насилия.

Нужно признать, что и нынешние поколения российских людей не утратили окончательно дух демотии как политической формы самостояния и самоуправления народа, осуществляемой на основе «органического представительства» и с опорой на собственные силы. Это проявляется в возникновении в 2010-е гг. таких общественно-политических движений, как Народно-социалистическое движение России (НСДР), движения «За новый социализм» и др., а также в общественном дискурсе об особом пути России, о социальной справедливости и социальном неравенстве, защите интересов народа и возвращении ему утраченной роли по контролю над стратегическими ресурсами общества.

Таким образом, политарная и имперская модели российской цивилизации были связаны изначально с отлучением народа от собственности и власти, а также с уси-

лением роли бюрократического аппарата в управлении государством, присваивавшего себе все основные ресурсы общества (землю, людей, их время и пр.) и установившего имперский контроль над сопредельными территориями. Так, феномен политарной цивилизации в России исключил на многие столетия альтернативную модель — демотическую («всенародную»), образуемую напрямую народом и его законными представителями («правящим отбором»).

ОТ ПРЕБЫВАНИЯ К САМОСТОЯНИЮ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Пребывание — это внешнее и потустороннее присутствие человека в теле российской цивилизации. Именно поэтому в России возобладала особая, политарная, модель цивилизации. Независимо от ее традиционалистской или модернистской версий основные активы и ресурсы общества контролировались и перераспределялись в интересах правящей элиты (союза высшей бюрократии и крупнейших промышленно-финансовых групп).

Но как вернуть человека в лоно цивилизационного развития России и сделать субъектом самостояния и участником исторического творчества всех народов? Полагаю, что на этот главный вопрос может быть несколько ответов.

Во-первых, возможен «неолиберальный уклон» в развитии политарной системы, направленный на косметическое оформление процесса модернизации страны, т. е. ее частичное социально-экономическое и технологическое обновление в соответствии с новыми цивилизационными вызовами. Основное средство — имитация либерально-демократических реформ и демократических преобразований в стране.

Такой подход является эволюционным и не предусматривает радикальных изменений политарной системы, а также преобразований всей структуры власти. Скорее, он предполагает «косметический ремонт» данной системы, ее частичное «улучшение», предполагая минимум политической перестройки и максимум инноваций в экономике и технологической сфере при сохранении доминирующих позиций политаристов в экономике и политике. Этот путь мы уже прошли частично в 1990-е — начале 2000-х гг., и возврата к нему пока не предвидится. Ему соответствовала олигархическая форма правления и модернистская политарная модель, ориентированная на избирательную интеграцию в глобальные структуры Запада.

Во-вторых, возможен также «неоконсервативный сдвиг» или курс на адаптацию традиционалистской политарной системы в России к современным условиям без утраты цивилизационной идентичности человека и при сохранении самой политарной системы. На его вооружении имеется ряд подходов, которые предлагают консервативные стратегии и «охранительные» модели дальнейшего цивилизационного развития России, в том числе сохранение и укрепление традиционных ценностей и базовых социальных институтов (семьи, государства, церкви и пр.). Но при этом государство продолжает обслуживать интересы аппарата управления и крупного капитала.

Данный путь, связанный с усилением автократии и политаризма традиционалистского типа, наметился в России в конце 2000-х гг. и пока не привел к фундаментальным изменениям в цивилизационном развитии страны. Традиционалистская модель политарной цивилизации, пришедшая на смену модернистской, лишь усилила влияние государства и крупных корпораций на положение человека, опу-

тав его безличными (анонимными) и формально-бюрократическими социальными сетями.

В-третьих, трансформация политарной системы в демотическую («всенародную») и социалистическую возможна лишь в отдаленной перспективе. Такой путь предполагает революционные сдвиги во всех сферах жизни и преобразование самого способа цивилизационного бытия человека — с пребывания (как отчужденного присутствия) на самостояние (как подлинное самобытие). Каждый народ вправе защищать и отстаивать свой путь к самобытию вполне легальными и ненасильственными средствами. И он вправе создавать собственное (общенародное) государство.

Безусловно, демотическая система и социализм, которые объединяются в модели «державно-народный социализм», — это перспективные проекты цивилизационного развития России. Они, хотя и не исключают целиком модернистскую или традиционалистскую политарность, но замещают ее принципами народовластия (реального самоуправления народа и при посредстве общенародного государства), державности (заботы о политической целостности и подлинном духовном величии страны) и экологичности (достижения гармонии в отношениях между человеком и средой его существования), а также становлением общенародного и социального государства, подчиненного интересам трудового народа.

При этом самостояние человека в полной мере соответствует третьему пути преобразования цивилизационных моделей России. И этот путь далек от идеала, в нем имеются свои ограничения и проблемы. Однако все остальные (неоконсервативный или неолиберальный) пути ведут к еще большему ограничению возможностей человека, усложнению характера его экономических и политических зависимостей. Поэтому они должны иметь подчиненное значение по отношению к демотическому («всенародному») и экологическому социализму.

Итак, пребывание в условиях политарной системы является преобладающим способом цивилизационного бытия человека в России, которое характеризуется на разных исторических этапах такими признаками, как небезопасное место развития, присвоение этого места и отчуждение от его ресурсов, существование на границе выживания, обесценивание человеческой жизни, системное насилие со стороны угнетателей. И это относится в первую очередь к человеку, символизирующему собой большинство народа.

Альтернативным способом бытия человека в российской цивилизации выступает самостояние — открытое и свободное развитие, расширяющее культурный порядок до пределов общего дома бытия, который соответствует допустимым цивилизационным критериям (безопасность и экологичность, открытость и демократичность, социальная справедливость и благополучие и пр.). Но путь к нему еще предстоит пройти, преодолев сопротивление политарной системы, утвердив демотическую систему и построив общенародное социальное государство, тем самым изменив принципиально всю конструкцию цивилизационного бытия человека. Самостояние человека означает на практике «стать всем для себя и других». В идеале общество, как и бытие человека, может быть целостным, не отказываясь при этом от достижений модерности и традиционных ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первоначально выражение «тюрьма народов» ввел французский писатель Астольф де Кюстин в книге «Россия в 1839 году». Как известно, В. И. Ленин использовал это выраже-

ние в статье «О национальной гордости великороссов» (декабрь 1914 г., газета «Социал-демократ», № 35). Он писал: «Нам, представителям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса; — особенно в такой стране, которую справедливо называют “тюрьмой народов”...» (Ленин, 1960: 106).

[2] Термины «политарный», «политаризм», «политарх», «политарная система», «политарное общество» и др. в отечественной социальной философии использовал Юрий Иванович Семенов. Он переосмыслил выражение Маркса «азиатский способ производства» и дал ему свою интерпретацию. По мнению Ю. И. Семенова, политарная система базируется на общеклассовой (государственной по форме) собственности и доминировании госаппарата. Руководство данной системой осуществляют «политаристы» — ядро госаппарата, который возглавляет политарх (верховный правитель или распорядитель).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнасон, Й. (2021) Цивилизационные паттерны и исторические процессы / пер. с англ. М. Масловского, Д. Карасева, Ю. Прозоровой [и др.]. М. : Новое литературное обозрение. 304 с.

Ахиезер, А. С. (1995) Россия: некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. Т. 4. № 1. С. 3–57.

Ахиезер, А. С. (2001) Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Общественные науки и современность. № 2. С. 89–100.

Ахиезер, А. С. (2008) Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). В 3 т. М. : Новый хронограф. Т. 1. От прошлого к будущему. 312 с. Т. 2. Теория и методология. Словарь. 348 с. Т. 3. Социокультурный словарь. 274 с.

Бродель, Ф. (2023) Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситникова. 2-е изд., испр. М. : Изд. группа «Альма Матер»; «Гаудеамус». 523 с.

Гилинский, Я. И. (2013) Социальное насилие. СПб. : Изд. дом «Алеф-Пресс». 183 с.

Гройс, Б. (2024) Философия заботы / пер. с англ. А. Фоменко. М. : Новое литературное обозрение. 120 с.

Жижек, С. (2023) Событие. Философское путешествие по концепту / пер. с англ. Д. Я. Хамес. М. : РИПОЛ классик. 240 с.

Ильин, В. В., Ахиезер, А. С. (2000) Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М. : Изд-во Моск. ун-та. 301 с.

Ильинская, С. Г. (2023) Мобилизационное государство как сущностная характеристика российской цивилизации: начальный этап формирования // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 10. № 1. С. 18–28.

Ильинская, С. Г. (2025) Государственная идеология как вектор развития локальной цивилизации // Философские науки. Т. 68. № 4. С. 44–65.

Кара-Мурза, А. А. (2017) Между империей и нацией // Россия в глобальной политике. Т. 15. № 1. С. 195–205.

Лапин, Н. И. (1990) Тотальное отчуждение и общий кризис раннего социализма // Вестник АН СССР. № 5. С. 15–23.

Лапин, Н. И. (2015) Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии. Ч. 1. Человеческая цивилизация перед лицом выбора конфигурации фундаментальных ценностей // Вопросы философии. № 4. С. 3–15.

Лапин, Н. И. (2019) Отчуждение населения от участия в национальных доходах: прошлое и настоящее // Общественные науки и современность. № 6. С. 40–54.

Лейнг, Р. (1995) Разделенное Я. Киев : Гос. библиотека для юношества. 320 с.

Ленин, В. И. (1960) О национальной гордости великороссов // Пол. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. М. : Политиздат. С. 106–110.

Никольский, С. А. (2017) Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М. : ИФРАН. 125 с.

Пантин, И. К. (2000) Россия: окончание исторического цикла? // Полис. Политические исследования. № 3. С. 39–52.

Резник, Ю. М. (2025a) Геосоциальная трансформация цивилизационных моделей в России: от политарности к державности // Личность. Культура. Общество. Вып. 3. С. 84–102.

Резник, Ю. М. (2025b) Логика геосоциальной эволюции политарной модели цивилизации в России // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Т. XVII. С. 5–38.

Спиридонова, В. И., Соколова, Р. И., Шевченко, В. Н. (2016) Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ. М. : ИФ РАН. 122 с.

Спиридонова, В. И. (2022) «Государство-цивилизация» как новая формула существования в XXI веке // Век глобализации. № 1. С. 29–41.

Федоров, Н. Ф. (1982) Соч. М. : Мысль. 711 с.

Федотова, В. Г. (2009) Российская история в зеркале модернизации // Вопросы философии. № 12. С. 3–18.

Фромм, Э. (2026) Здоровое общество / пер. с англ. С. Карпушиной, Т. Банкетовой. М. : АСТ. 368 с.

Шипунова, Т. В. (2010) Системное насилие в контексте социального контроля девиантности // Российский криминологический взгляд. № 3 (23). С. 313–320.

Ясперс, К. (2013) Духовная ситуация времени / пер. с англ. М. И. Левиной. М. : АСТ. 285 с.

Дата поступления: 05.08.2026 г.

THE PHENOMENOLOGY OF RUSSIAN CIVILIZATION: METAMORPHOSES OF HUMAN PRESENCE

Yu. M. Reznik
RAS Institute of Philosophy

This article examines the problem of the authenticity of existence of the Russian person. The object of the study is the civilizational dimension of human existence in Russia, and the subject is the existentialphenomenological perspectives on understanding the being of man in the Russian civilization, which has been reflected over several centuries in the image of "presence".

Human presence in the Russian civilization unfolds along two paths (westernization or traditionalization), which correspond to successive models of governance (oligarchy or autocracy), and manifests itself in three main forms — existential, transcendent, and societal (politary). The first form blocks the realization of such meanings of individual existence as "living in a home," "fear of life," "joy from work and creativity," and "influence"; the second leads to the loss of meanings of supra individual existence (disidentification, de deification, and dehumanization); the third (politary) form is aimed at maintaining the conditions of dependent existence through bureaucratic control and systemic violence.

According to the author, the alternative to presence is selfsufficiency — an open and free human existence in civilization, which fully reveals his creative potential. It will manifest itself only under special historical conditions, when the politary system is replaced by a demotic ("nationwide") system that combines the advantages of democracy, social justice, and environmental friendliness.

Keywords: man; civilization; phenomenology of civilization; Russian civilization; civilizational being; presence; selfsufficiency; politary system; demotic system; autocracy; democracy; oligarchy

REFERENCES

Arnason, J. (2021) Civilizacionny`e patterny` i istoricheskie pro-cessy` / transl. from Eng. by M. Maslovskij et al. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. 304 p.

Axiezer, A. S. (1995) Rossiya: nekotory`e problemy` sociokul`turnoj dinamiki. *Mir Rossii*, vol. 4, no. 1, pp. 3–57.

Axiezer, A. S. (2001) Arxaizaciya v rossijskom obshhestve kak meto-dologicheskaya problema, *Obshhestvenny`e nauki i sovremennost`*, no. 2, pp. 89–100.

Axiezer, A. S. (2008) *Rossiya: kritika istoricheskogo opy`ta (Socio-kul`turnaya dinamika Rossii)*. Vol. 1. Ot proshlogo k budushhemu. 312 p. Vol. 2. Teoriya i metodologiya. Slovar`. 348 p. Vol. 3. Sociokul`turny`j slovar`. 274 p. Moscow, Novy`j xronograf.

Braudel, F. (2023) *Grammatika civilizacij* / transl. from France by B. A. Sitnikov. 2nd ed., revised. Moscow, Izdat. gruppa «Al`ma Mater»; «Gaudeamus». 523 p.

Gilinskij, Ya. I. (2013) *Social`noe nasilie*. St. Petersburg, Izd. dom «Alef-Press». 183 p.

Groys, B. (2024) *Philosophy of Care* / transl. from Eng. by A. Fomenko. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 120 p.

Žižek, S. (2023) *Event: A Philosophical Journey Through a Concept* / transl. from Eng. by D. Ya. Xames. Moscow, RIPOL klassik. 240 p.

Il`in, V. V. and Axiezer, A. S. (2000) *Rossijskaya civilizaciya: soder-zhanie, granicy, vozmozhnosti*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta. 301 p.

Il`inskaya, S. G. (2023) Mobilizacionnoe gosudarstvo kak sushhnost-naya xarakteristika rossijskoj civilizacii: nachal`ny`j e`tap formirova-niya. *Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal`noe upravle-nie*, vol. 10, no. 1. P. 18–28.

Il`inskaya, S. G. (2025) Gosudarstvennaya ideologiya kak vektor razvi-tiya lokal`noj civilizacii. *Filosofskie nauki*, vol. 68, no. 4, p. 44–65.

Kara-Murza, A. A. (2017) Mezhdu imperiej i naciej. *Rossiya v global`noj politike*, vol. 15, no. 1, pp. 195–205.

Lapin, N. I. (1990) Total`noe otchuzhdenie i obshhij krizis rannego socializma. *Vestnik AN SSSR*, no. 5, pp. 15–23.

Lapin, N. I. (2015) Fundamental`ny`e cennosti civilizacionnogo vy`bora v XXI stoletii. Ch. 1. Chelovecheskaya civilizaciya pered liczom vy`-bora konfiguracii fundamental`ny`x cennostej. *Voprosy` filosofii*, no. 4, pp. 3–15.

Lapin, N. I. (2019) Otchuzhdenie naseleniya ot uchastiya v nacional`-ny`x doxodax: proshloe i nastoyashhee. *Obshhestvenny`e nauki i sovremen-nost`*, no. 6, pp. 40–54.

Laing, R. D. (1995) *The Divided Self: An Existential Study in Sanity and Madness*. Gosud. biblioteka dlya yunoshestva. 320 p.

Lenin, V. I. (1960) O nacional`noj gordosti velikorossov. *Polnoe sobranie sochinenij. 5th ed*. Vol. 26. Moscow, Politizdat. Pp. 106–110.

Nikol`skij, S. A. (2017) *Imperiya i kul`tura. Filosofsko-literaturnoe osmy`slenie Oktyabrya*. Moscow, Institute of Philosophy Publ. 125 p.

Pantin, I. K. (2000) Rossiya: okonchanie istoricheskogo cikla? *Polis. Politicheskie issledovaniya*, no. 3, p. 39–52.

Reznik, Yu. M. (2025a) Geosocial`naya transformaciya civilizacion-ny`x modelej v Rossii: ot politarnosti k derzhavnosti. *Lichnost`. Kul`tu-ra. Obshhestvo*, issue 3, pp. 84–102.

Reznik, Yu. M. (2025b) Logika geosocial`noj e`volyucii politarnoj modeli civilizacii v Rossii. *Voprosy` social`noj teorii. Nauchny`j al`manax*, vol. XVII, pp. 5–38.

Spiridonova, V. I., Sokolova, R. I. and Shevchenko, V. N. (2016) *Rossiya kak gosudarstvo-civilizaciya: filosofsko-politicheskij analiz*. Moscow, Institute of Philosophy Publ. 122 p.

Spiridonova, V. I. (2022) «Gosudarstvo-civilizaciya» kak novaya formula sushhestvovaniya v XXI veke. *Vek globalizacii*, no. 1, pp. 29–41.

Fyodorov, N. F. (1982) *Sochineniya*. Moscow, My`sl`. 711 p.

Fedotova, V. G. (2009) Rossijskaya istoriya v zerkale modernizacii. *Voprosy` filosofii*, no. 12, pp. 3–18.

Fromm, E. *The Sane Society* (2026). Transl. from Eng. by S. Karpushina et al. Moscow, Izd-vo AST. 368 p.

Shipunova, T. V. (2010) Sistemnoe nasilie v kontekste social`nogo kontrolya deviantnosti. *Rossijskij kriminologicheskij vzglyad*, no. 3 (23), pp. 313–320.

Jaspers, K. (2013). *Man in the modern age* / transl. from Eng. by M. I. Levina. Moscow, AST. 285 p.

Submission date: 05.08.2026.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, вице-президент Российского философского общества. Адрес: 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: 8 (495) 609-90-76. Эл. адрес: reznik-um@mail.ru

Reznik Yuri Mikhailovich, Doctor of Philosophy, Professor, Principal Researcher, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Vice President, Russian Philosophical Society. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: 8 (495) 609-90-76. E-mail: reznik-um@mail.ru

DOI: 10.17805/zpu.2026.3.3

Стратегия гибридной обороны через призму стратегического партнерства России и Китая

А. А. Бартош

Московский институт социологических исследований

Распад биполярного мира окончательно завершился кризисом либерального порядка и идеи партнерства цивилизаций. Главным препятствием на пути к партнерству цивилизаций является не экономическая конкуренция и не политические противоречия между странами современного мира, а мировоззрение элит стран Запада, которые такого партнерства не желают в принципе. В условиях мировой гибридной войны, когда прямое столкновение ядерных держав маловероятно, Россия и Китай перешли к формированию собственной версии гибридной обороны. В отличие от западной концепции гибридной войны как наступательного инструмента, Пекин и Москва трактуют гибридную оборону как комплекс мер по парированию угроз суверенитету — от кибератак до цветных революций. Данная статья исследует, каким образом две державы синхронизируют свои усилия в информационной, энергетической и технологической сферах, и что делает их сотрудничество реальным стратегическим альянсом.

Ключевые слова: гибридная война; гибридная оборона; стратегия; факторы; партнерство

ВВЕДЕНИЕ

В основе современного противостояния Востока и Запада лежит борьба за новое мироустройство. Определяющими факторами является геополитика: Запад защищает однополярную гегемонию, Восток (Россия, Китай) — многополярность и суверенитет, а также традиционную систему ценностей (конфликт либерального индивидуализма с коллективизмом и консервативными ценностями). В экономике